

АНТРОПОЛОГИЯ

Л. Б. Бадмаева

ПЕСНИ ШЭНЭХЭНСКИХ БУРЯТ

В статье впервые рассматриваются тематика и особенности языка текстов песен шэнэхэнских бурят в авторском переводе на русский язык. Уникальность шэнэхэнских бурят, проживающих в течение 100 лет в Китае, в том, что им удалось сохранить свою аутентичную культуру: язык, традиционное монгольское письмо, национальный костюм, традиции, обычаи и народные песни. Долгое время тема о бурятской эмиграции находилась под запретом. В статье также освещены причины и история эмиграции агинских бурят в местность Шэнэхэн АРВМ КНР, с опорой на работу Бодонгуд Абида (1983), написанной на старомонгольской письменности. Природа миграции бурятской диаспоры в Баргу носила этнозащитный характер и связана с политическими событиями в России в начале XX в. Наличие жанра одических песен (магтаал) в песенной традиции бурят свидетельствует об их развитой системе письменной культуры, различении письменных и устных текстов, стилистической дифференциации языка текстов песен. Выявлено, что лексика гимнических песен (магтаалов) выдержана в высоком стиле с ориентацией на нормы старописьменного монгольского языка. Анализ полевых материалов свидетельствует о мастерстве стихосложения безымянных поэтов, строго соблюдающих начальную аллитерацию в строфах, использующих различные фигуры речи, весь арсенал грамматических форм для передачи оттенков семантики лексической единицы. Это позволяет утверждать, что песенные тексты бурят создавались и передавались не только в устной форме, но и в письменной еще задолго до революции 1917 г.

Ключевые слова: *песни шэнэхэнских бурят, эмиграция бурят, одические песни, письменная культура бурят.*

Для комплексного исследования бурятского народного искусства необходимо привлечение самого широкого круга произведений и источников. Большое значение для разработки данной темы имеют материалы полевых исследований: записи народных песен у носителей бурятского языка.

Жанровая классификация бурятских народных песен рассмотрена в трудах исследователей традиционной музыкальной культуры бурят Н. О. Шаракшиновой (1973), Д. С. Дугарова (1964, 1969), Г. Д. Фроловой (1999), Анандын Нумаа (2003), Л. Д. Дашиевой (2005) и др. [1].

Мы же остановимся на рассмотрении тематики и лексического своеобразия песен шэнэхэнских бурят, проживающих в Автономном районе Внутренняя Монголия Китая (АРВМ КНР).

Песни неразрывно связаны с локальной историей бурят. В этом плане интересна судьба бурятской диаспоры, по воле судьбы оказавшейся в Китае, в местности Шэнэхэн.

Как известно, миграционные процессы — распространенное явление на всех этапах человеческой истории. Их масштабы и направления движения обуславливаются конкретными политическими, экономическими, социокультурными условиями. В отечественной историографии до недавнего времени было принято умалчивать факт эмиграции бурят в Китай в начале XX в., т. к. все темы, связанные с бурятской эмиграцией, попадали в разряд «запрещенных». История эмиграции агинских бурят в Китай в местность Шэнэхэн подробно освещена в сочинении Бодонгуд Абида (1917–2006) «*Buriyad mongyol-un tobči teiike*» («Краткая история бурят-монголов»), изданном в издательстве отдела культуры Внутренней Монголии КНР (*Öbür mongyol-un soyul-un keblel-ün qoriy-a*) в 1983 г. на старомонгольской письменности.

Как пишет Бодонгуд Абида, исход бурят в Шэнэхэн (КНР) был связан с историческими событиями, происходившими в России в начале XX в.: введение волостной реформы, начало первой мировой войны, мобилизация бурятской молодежи на тыловые работы, революционные волнения внутри страны и т. д. В связи с усилением революционного движения в России были особенно обеспокоены представители бурятских сайтов, нойонов, буддийской духовной иерархии. Ими была организована делегация во главе с Намдаг-нойоном (внуком агинского *тайши* — главы Агинской степной думы Тугултура Тобоева. — Л. Б.) и М. Н. Богдановым, известным бурятским общественным деятелем, в г. Хайлар к администрации аймака. К просьбе бурят о разрешении на переселение в Хулун-Буир китайские чиновники отнеслись весьма неоднозначно. Некоторые высказались категорически против миграции бурят на территориальные земли Хулун-Буира. А некоторые чиновники, в частности гун Ценду и его единомышленники, всячески содействовали осуществлению замыслов бурятских предводителей, т. к. они были заинтересованы в освоении и заселении пустынных земель, простиравшихся у северного подножия Хингана, которые оказались свободными из-за разразившейся в тех местах эпидемии сибирской язвы, и где оседали банды разбойников (впоследствии буряты выжгли всю землю, чтобы ликвидировать очаги эпизоотии).

В повествовательную канву исторического сочинения включены лирические отступления, например, в текст вкраплена народная песня, посвященная вновь обретенной родине, со словами благодарности сановнику Ценду-гуну, который, будучи представителем национальных меньшинств Китая, приложил много усилий в пользу эмиграции бурят в Китай:

1. *aru-dayan modu-tai sineken-mani /
amban noyan-u qayiralaγsan,
sili-degen modu-tai sineken-mani /
cengdü-güng-ün qayiralaγsan:*

2. *ürgen čaγan sineken-mani /
üril moyil-un čimeg-tei:
qabtaγai čaγan sineken-mani /
qaliyu bulaγan čimeg-tei: [БА, с. 73–74]*

1. Богат лесами на севере наш Шэнэхэн,
Пожалованный сановником,
Богат лесами на хребтах наш Шэнэхэн,
Пожалованный Ценду-гуном.

2. Широкий привольный наш Шэнэхэн,
Богатый черемухой да яблочками.
Широкий привольный наш Шэнэхэн,
Богатый соболями да выдрами. (Пер. Л. Б.)

Эта песня как бы «разбавляет» исторический тон летописи, приближая ее к литературному жанру. Шэнэхэнские буряты сочинили много лирических песен, воспевающих красоту природы Шэнэхэна, ставшего им второй родиной. В этой песне употреблены термины из маньчжурской титулатуры: сложное слово *amban noyan* ‘губернатор; сановник, вельможа’, *güng* ‘граф, князь’; глагол *qayiralaqu* ‘пожаловать’ из высокого стиля, т. к. песня посвящена китайско-маньчжурскому наместнику Ценду-гуну. Автор текста в знак уважения к высокому лицу употребил лексику из возвышенного стиля. Фигуры речи характерны для лирических песен бурят, воспевающих красоту природы родного края: *aru-dayan modu-tai sineken-mani*

‘богат лесами на севере наш Шэнэхэн’, *ürgeŋ čayan sineken-mani* ‘широкий привольный наш Шэнэхэн’, *qabtaɣai čayan sineken-mani* ‘широкий привольный наш Шэнэхэн’.

Китайский чиновник Ценду-гун был дагуром по происхождению, он был весьма образован, владел несколькими языками. За поддержку и оказание содействия в решении их судьбоносного вопроса благодарные шэнэхэнские буряты воспели его в своих песнях:

*Араарай модотой Шэнэхээмнай
Амбан ноёной хайралхан.
Аба эжын хайралхан
Алта мунгэнэй гоё гээшэнь.
Шэлээрээ модотой Шэнэхээмнай
Сэндэ (Цэндэ) гүнэй хайралхан.
Сэдьхэлхээ аба эжын хайралхан,
Шэжэр алтанай гоё гээшэнь.
Хүлэн-Буирым хайралхан,
Хүжэ Шэнэхээмнай гоё гээшэнь.
Хугшэн аба эжын хайралхан,
Хүлэр мунгэниинь гоё гээшэнь.*

Наш Шэнэхэн, таежный с северной стороны,
Пожалован нам губернатором.
Прекрасны злато и серебро,
Пожалованные родителями.
Наш Шэнэхэн, с таежными хребтами,
Пожалован нам Ценду-гуном.
Прекрасно червонное золото,
Пожалованное сердечно родителями.
Прекрасен наш широкий Шэнэхэн,
Пожаловавший нам Хулун-Буир.
Прекрасны слитки серебра,
Пожалованные дедушкой и бабушкой. (Здесь и далее перевод наш. — Л. Б.)

В монгольской песенной традиции самые возвышенные поэтические строки посвящены не любимой (-му), а матери и родителям. Согласно этой традиции 2-й вариант песни, посвященной Ценду-гуну, дополнен строками, воспевающими родителей и предков.

Топоним Хулун-Буир — это название Хулун-Буйрского аймака АРВМ КНР, куда входит местность Шэнэхэн. Название произошло от лимнонимов Хөлөн (Далайнор) и Буир. Название озера Хөлөн восходит к древнетюркскому *kölün* ‘плавни, водоем’ [2, с. 313]. И действительно, это большое, но неглубокое озеро, местами поросшее камышом.

По информации Аюши Жамсарано, участвовавшего в переговорах с китайскими сайтами, в результате многократных встреч и переговоров бурятам было разрешено поселиться на землях по южной части реки Аргунь, от реки Хабул на юго-запад реки Телбурхэн до верхнего течения реки Хайлар, от рек Могой, Тэнихэ на запад до реки Шэнэхэн, оттуда на юго-запад до реки Хандагай, до северного подножия Хинганского хребта. Центром расселения новых поселенцев определили бассейн рек Шэнэхэн и Уйдхэн, а также бассейн реки Оно и нижнего течения реки Хуйн-гол [3, с. 63].

Вместе с тем среди самих бурят многие неодобрительно отнеслись к эмиграции в пределы Внутренней Монголии. Некоторые ламы выступали против переселения бурят и утверждали: *«iyile-yin üre-eče üker terge-ber dutayan ɣarču bolqu-ügei»* ‘От судьбы невозможно убежать на арбе’ [Там же, с. 62].

Тем не менее в начале 1918 г. некоторая часть агинских бурят и часть хамниганов под предводительством Намдаг-нойона, захватив своих работников, домашний скот и имущество, уючевала в Хулун-Буир, в местность Шэнэ Барга Правого хошуна и в Старобаргутский хошун. Затем в 1922 г. в местность Шэнэхэн эмигрировали первые 160 семей, всего 700 человек, образовав тем самым бурятский хошун. Хошунным даргой был назначен Раднын Абида, а его заместителем — Жамсарано Аюши.

Структура административной системы в Хулун-Буире была организована по образцу формирования военных подразделений армии Цинской империи. Хошун состоял из четырех сомонов. Каждым сомонам руководили *занги* ‘предводитель рода, управитель сомона, начальник почтовой станции’ < маньч. *jangin* ‘штаб-офицер, командир полка’, *хафан* ‘чиновник’, четыре *бошхо* < маньч. *bošqu* ‘низший чиновник; урядник, унтер офицер в войсках’. Кроме того, был создан для охраны и защиты хошуна один военный сомон. Вооружение обеспечивалось администрацией аймака, а обеспечение остальным снаряжением, как-то подвода, верховые лошади, жилье, довольствие, было вменено в обязанности хошуна. Командиром военного подразделения был назначен крещеный бурят-казак Гомбожаб, который был обучен военному искусству. Он проводил учения по подготовке кавалеристов [Там же, с. 65–67].

Как пишет Бодонгуд Абида, буряты с 1922 г. продолжали прибывать в Хулун-Буир. Вследствие чего в 1929 г. было решено бурятский хошун разделить на два хошуна (*баруун* ‘правый’, *зүүн* ‘левый’). Весной 1929 г. было закончено строительство буддийского монастыря Шэнэхэнского дацана [Там же, с. 71]. Сочинение Бодонгуд Абида, созданное в лучших традициях бурятского летописания, представляет собой достоверный исторический документ по истории *агинских бурят*, вынужденных по воле судьбы эмигрировать в Китай в начале XX в.

В настоящее время шэнэхэнские буряты живут оседло в двух сомонах (*Баруун номон* ‘Правый или Западный сомон’, *Зүүн номон* ‘Левый или Восточный сомон’ Эвенкийского хошуна Автономного района Внутренняя Монголия КНР. Их численность составляет 7632 чел.: в *Зүүн Сомоне* проживает 3012 чел., в *Баруун* — 2240 чел., в других местах — 2380 чел. Эти данные получены нами в Шэнэхэнском музее во время полевых исследований в АРВМ КНР (2005 г.). Они были, в основном, потомками тех агинских бурят трех сомонов Цугольского хошуна (Борзя-Шэнэстуйского, Бэлигтуйского и Хуандинского), которые в 1920 г. эмигрировали на территорию Внутренней Монголии. По данным архивных материалов, из Борзя-Шэнэстуйского сомона перекочевали 373 семьи, в т. ч. 925 мужчин, 246 женщин; из Бэлигтуйского — 126 семей, в т. ч. 261 мужчина, 246 женщин; из Хуандинского сомона — 381 семья, в т. ч. 1483 мужчины, 1452 женщины.

Небольшой процент бурятских эмигрантов в Шэнэхэне составляют выходцы из Баргузинского, Хоринского, Бичурского, Селенгинского, Джидинского районов Бурятии. По информации шэнэхэнских бурят, в Хулун-Буире проживают потомки не только забайкальских бурят, но и выходцы из Предбайкалья: потомки боханских и балаганских бурят, в частности Хазагаевы, Шапхаевы, Пирожковы (потомки Апполона Хазагаева и Сократа Пирожкова, из клана идинских тайшей, в прошлом владельцев крупного мельничного заведения Ивана и Ильи Пирожковых). Но их потомки, поскольку они живут разрозненно в городах, уже ассимилировались с китайцами.

Тот факт, что буряты, эмигрируя в Китай, неслучайно выбрали себе местом для поселения Хулун-Буир, где проживают баргуты, дагуры, эвенки, олеты, говорит о том, что историческая память народа сохранила сведения о древних связях бурят с баргутами и дагурами. Например, летописные памятники Бурятии, созданные в XIX в., пишут о том, что среди баргутов Китая, в частности среди шэнэ-баргутов, проживают представители хоринских бурят. В частности, бурятский летописец Шираб-Нимбу Хобитуев, в своей летописи (1887) пишет: «*Tere čay-tu degere duračaydaγsan Begele noyan-iyar abayačiydaγsan jarim törül-nar manu kileyin*

činadu gegedegsen-iyer edüge baryu buriyad kemekü nayiman qošiγun jon ber Qar-a mörүн kiged Qayilur kemekü Ergün-e γoul-un ekin ba. Kerlüng γoul-un aday kiged Buyir Dalai kemekü nayurud-iyar edüge kürtele sayuday bui:» [4, с. 32]. Приведем данный фрагмент в нашем переводе: «В то время некоторые наши родственники, уведенные в подданные вышеупомянутым Бэйлэнойоном, остались за границей. В настоящее время они под именем “баргу-буряты” расселены в 8 хошунах в бассейне реки Хэйлунцзян (р. Амур. — Л. Б.), у истоков рек Хайлар, Эргунэ, в устье реки Керулен, а также у озер Буир и Далай (Хулун), они и сейчас проживают в тех местах» [Там же, с. 240].

В подтверждение данному факту селенгинский летописец Дамби-Жалцан Ломбоцыренов пишет об этом следующее: «*Arban nigen köbegün törübei. Tere arban köbegüd-eče delgeregsen öndesün edüge qori arban nigen ečige buriyad. Nige jarim anu ros, dumdadu qoyar ulus-un kili tabiqu čay-tu, tere tala öldegčid, baruγuu-a mongγol gideg olan jon dotur nilegsen qoriγin törül oyirakid edüge olan bui.*» [5, с. 4–5]. Данный фрагмент в нашем переводе: «Родились одиннадцать сыновей. Потомки тех одиннадцати сыновей сейчас являются народом одиннадцати хоринских родов. Некоторые из них во время установления русско-китайской границы остались на той стороне и соединились с баргу-монголами. Среди них много представителей хори-бурят».

Таким образом, летописные памятники бурят свидетельствуют о древних исторических связях бурят с баргутами. В области материальной культуры баргутов, дагуров, солонов, шэнээнских бурят Китая примечательно то, что они все в быту пользуются *канами* (отапливаемыми лежанками). Известно, что *кан* проник на территорию Северного Китая ещё во времена сунской династии (960–1279). Шэнэ баргуты его называют *лаах* < (ма.) *нахан* ‘теплые нары’, дагуры называют его *хуал* ‘сундук; кан’, а шэнээнские буряты — *лааха* или *халуун ханза* — (досл.) ‘горячий сундук’.

Все представители шэнээнских бурят владеют своим родным диалектом, кроме того, знают литературный монгольский, китайский, эвенкийский и дагурский языки. Можно отметить элементы мультилингвизма у бурят Китая. Следует отметить то, что шэнээнские буряты, изолированно проживающие в течение 100 лет в иноязычной среде, не только не утратили родного языка, а сохранили в лучшем виде язык, национальный костюм, традиции и обычаи материнского этноса. Полевые материалы свидетельствуют о том, что язык шэнээнских бурят Китая не претерпел больших изменений в сравнении с агинским говором хоринского диалекта. Наблюдаются лишь некоторые фонетические изменения под влиянием китайского языка, а именно смягчение шипящих и свистящих звуков.

Природа миграции бурятской этнической группы в Баргу носила, прежде всего, экономический и этнозащитный характер. На наш взгляд, выжить и сохранить свои этнокультурные традиции небольшой бурятской этнической группе в невероятно сложной обстановке в условиях миллиардной иноязычной (китайской) среды помогла исключительно национальная идея *возвращения на родину* в будущем. Некоторые представители шэнээнских бурят действительно пытались вернуться на родину, но жизнь не стоит на месте. Здесь их встретила другая реальность современной России в условиях перестройки и рыночной экономики, другая иноязычная (русскоязычная) среда. Многие из шэнээнских бурят, так и не сумев адаптироваться к новой обстановке, возвращаются домой — в Шэнээн, который стал для них родиной.

Об этом поется в лирической песне «*Арахан Шэнээнэдээ ошохом даа!*», записанной у Дугаржабай Чимит-Доржо, 1971 г. р., ур. Шэнээн Зүүн номон:

*Ардагхан бороёо амараһандаа
Арахан Шэнээнэдээ ошохом даа.
Айдархан шиншингээ сээжэндэ
Алагхан зүрхээ шэбэнэхэм даа.*

После отдыха моего сивого армака,
Поеду-ка я в свой Шэнэхэн.
На груди твоей, любимая,
Нашепчу я своим алым сердцем.

С какой любовью и теплотой относится автор песни к своей родине, говорят слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами *-хан/-хон/-хэн* (*арахан // эбэрхэн // холохон Шэнэхэн* ‘северенький // южненький // дальненький Шэнэхэн’), которые использованы в тексте песни. И не случайно параллельно воспевается и образ любимой девушки героя песни, по которой он безумно истосковался, как и по своей родине:

*Хотогорхон бороёо хойхоһондоо
Холохон Шэнэхэндээ ошохом даа.
Холшорхон шиншингээ сээжэндэ
Уушха зүрхэээ шэбэнэхэм даа.*

После подготовки своего сивого скакуна (к скачкам),
Поеду-ка я в свой Шэнэхэн.
На груди твоей, моя радость,
Нашепчу я своим сердцем и душой.

В лексическом наполнении текста песни использовано редкоупотребительное слово *хойхо* ‘выдерживать, выстаивать лошадь (подготавливая ее к скачкам); привязывать лошадь (ночью в заморозки для закаливания лошадей)’ [6, с. 655].

В традиционном песенном фольклоре бурят одические песни — *магтаалы*, восхваляющие высоких особ, буддийские дацаны, буддийские божества, составляют отдельную жанровую группу. *Магтаалы* в системе песенной культуры шэнэхэнских бурят занимают важное место. Приведем текст одической песни в честь Арьяа Баалы — божества Авалокитешвары — «Тысячерукого Владыки Сострадания».

Весьма интересна история появления этого аспекта божества. «Однажды в незапамятные времена Авалокитешвара, находясь в раю у своего духовного отца Будды Амитабхи, взглянул на землю. Его потрясло, сколь велико число страдающих, и в присутствии тысячи Будд этой мировой эпохи Авалокитешвара дал обет спасти всех живых существ от пут Сансары и привести их к совершенному счастью, а если он хоть на мгновение заколеблется или откажется, то пусть тогда его тело распадется на части. С таким чистым намерением, исполненный решимости, Авалокитешвара вошел в состояние длительной интенсивной и непрекращающейся медитации, во время которой произносил мантру ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ, посвящая заслугу всем живым существам мира. Когда он вышел из медитации и оглянулся вокруг, то с горечью заметил, что смог освободить от страданий лишь небольшое число существ. Сердце Авалокитешвары наполнилось печалью. Да, любовь его была безгранична, но и число страждущих тоже беспредельно. Как же ему одному, имея лишь одну голову и пару глаз, выполнить своё обещание?! И он, не выдержав невыносимой скорби, опустил руки от отчаяния. В этот момент голова Авалокитешвары не выдержала и от пережитого потрясения раскололась на десять частей, а тело, согласно данному обету, разлетелось на тысячи кусочков. Будда Амитабха, узрев агонию своего духовного сына, восстановил тело Авалокитешвары, придав ему новую форму: десять осколков головы он превратил в десять ликов, девять сострадательных и один гневный лик для устрашения врагов буддизма, а сверху водрузил миниатюрную копию своей собственной головы в знак того, что он доволен сострадательным устремлением Авалокитешвары. Тысячу частей Амитабха превратил в тело с тысячью

руками, которые протянулись во всех направлениях, подобно лучам солнца. Всё утонуло в ярком сиянии, ибо в каждой из этих бесчисленных рук был светящийся глаз, наполненный такой любовью и состраданием, как взгляд самого Авалокитешвары. Теперь он мог видеть во всех направлениях и мгновенно приходить на помощь, донеся свое безграничное милосердие до каждого существа. У тысячерукого Авалокитешвары полупрозрачное белое тело, он облачен в прекрасные одежды и украшения Бодхисаттвы. Восемь рук на переднем плане сложены в виде цветка лотоса. Две руки, сложены на груди в мудре мольбы. В главной из левых рук он держит изогнутый стебель лотоса, правой дарует благо. В остальных центральных руках можно увидеть другие сакральные предметы — хрустальные четки, колесо Учения, лук со стрелами, ритуальный сосуд» [7].

Текст этой одической песни интересен тем, что он сохранил лексику и грамматические формы старописьменного монгольского языка: *Бадмарагын улаан сагаан үнгэтэй* (бадмарага ‘рубин’), *Мотор-тагаан эрдэнин хонхо баригсан* (мотор ‘правая рука, десница’ (выс., поэт., будд.).

1. Мүхэл үгы насану шэди үгэгшэ,
Юсэн ехэ Аюушадаан мургүүлэе.
Арьяа Баала, ом мани падме хум.
Арьяа Баала, ом мани падме хум.
2. Үмэнэ зүгын Будалангын орондо
Эрдэнтү сагаан агуйн дотур-а
Элдэб зүйлын бошог-иеэр сагуугсан
Хорин нэгэн Дара Эхэдээн мургүүлэе.
Арьяа Баала, ом мани падме хум.
Арьяа Баала, ом мани падме хум.
3. Ачиту ехэ лама-юугаан дагажу,
Алтан үнгэтэ хубцас-юугаан нэмүрчү,
Аяа, ехэ бурхан, тану абаралаар
Амархан ябахын юрөөл ману болтогой!
Арьяа Баала, ом мани падме хум.
Арьяа Баала, ом мани падме хум.

1. В деснице рубинового, красно-белого цвета,
Он держит драгоценный колокольчик.
Помолимся девяти великим божествам Аюши,
Дарующим чудо бессмертия.
Арьяа Баала, ом мани падме хум.
Арьяа Баала, ом мани падме хум.
2. Помолимся 21 Дара Эхэ,
Сидящим по различным повелениям,
В белой драгоценной пещере,
В южной стране Потала.
Арьяа Баала, ом мани падме хум.
Арьяа Баала, ом мани падме хум.
3. Следуя за своим великим благодетельным ламой,
Накинув свои золотистые одежды,

О, великий Бурхан! Да будет Вашими молитвами
Благопожелание о благополучной жизни!
Арьяа Баала, ом мани падме хум.
Арьяа Баала, ом мани падме хум.

Автор текста гимнической песни использовал архаичное слово *мотор* ‘правая рука, десница’ в дательном падеже с аффиксом старописьменного монгольского языка *-тайан / -tegen*: *Бадмарагын улаан сагаан үнгэтэй мотор-таган эрдэнийн хонхо баригсан* ‘В деснице рубинового, красно-белого цвета, Он держит драгоценный колокольчик’. Также автором использован архаичный аффикс местного падежа — *а / -е*: *Эрдэнтү сагаан агуйн дотур-а* ‘В белой драгоценной пещере’.

Кроме того, в этом тексте употреблен архаичный показатель притяжания *-юугаан* ‘свой, своего’, характерный для книжного стиля: *Ачиту ехэ лама-юугаан дагажу, Алтан үнгэтэ хубцас-юугаан нэмрчү* ‘Следуя за своим великим благодетельным ламой, Накинув свои золотистые одежды’.

В лексическом плане текст песни характеризуется обилием слов, имен, относящихся к буддийской культуре: *Аюуша* ‘Будда долголетия’, *Будаланг* ‘Потала — гора в северо-западном предместье г. Лхасы, на которой находится дворец Далай-ламы’, *Дара Эхэ* ‘богиня Тара’, *эрдэнийн хонхо* ‘драгоценный ритуальный колокольчик’, *лама* ‘монах’, *абарал* ‘молитва’, *бурхан* ‘бог, Будда’, *юрөөл* ‘благопожелание’, *бошог* ‘(будд.) предопределение; предсказывание; повеление; приказ’, *дагаху* (выс.) ‘следовать’, *мургэху* ‘молиться богу’ *болтогой* ‘да будет так!’, *Арьяа Баала, ом мани падме хум* (мантра). Даже употреблено архаичное междометие *Аяа* ‘О!’, выражающее восхищение, хвалу: *Аяа, ехэ Бурхан!* ‘О, великий бурхан!’

Таким образом, следует отметить, что в письменной культуре бурят для книжной речи высокого стиля (*магтаал, соло*) характерно обращение к лексическим единицам и грамматическим формам старописьменного монгольского языка.

В целом в современном обществе в связи с возрождением буддийской религии в бурятском литературном языке наблюдается тенденция к деархаизации — широкому употреблению архаичных слов из пассивного запаса языка: *сансара* ‘материальный мир’, *оршолон* ‘бренный мир’, *галаб* ‘эра, эпоха, период’, *дид* ‘вице-’: *дид хамба* ‘заместитель хамбо-ламы’; *субарга* ‘ступа’, *дасан* ‘буддийский храм’, *бурханай хүрэг* ‘изображение Будды’, *бойнуур* ‘курильница для благовоний’, *бумба* ‘священный сосуд’, *дүгжүүбэ* ‘буддийский обряд очищения огнем’, *далга* ‘жертвенная снедь’, *юртэмсэ* ‘мир, вселенная’, *жаниша* ‘шелковая обертка для священных книг’, *Лойлон // Лойлонг* — святыня Дуйнхор храма — буддийский «дворец, обитель божества», в стиле дворцов индийских царей [8, с. 518], *мандал* ‘алтарь’, *жиндагууд* ‘прихожане’, *лама* ‘буддийский монах’, *хадаг* ‘сложенное вдвое шелковое полотно, которое подносится как приветственный дар почетным гостям’, *шэрээтэ* ‘кафедральный или престольный лама’, *убдис* ‘чары, волшебство, магия, колдовство’ и др.

В ходе непосредственного общения с представителями бурятского этнического анклава в Хулунбуирском аймаке Автономного района Внутренняя Монголия КНР было отмечено, что процесс утраты языка, культуры и этнической самобытности в среде бурят Китая получил значительно меньшее развитие, нежели у бурятского этноса в России. Эмпирический материал показывает, что одним из важнейших факторов консолидации этнической группы и этнической самоидентификации шэнэхэнских бурят выступают язык и старомонгольская письменность, являющаяся традиционным письмом монгольских народов. Сопутствующими факторами выступают развитое чувство национальной гордости и национального самосознания, а также фактор компактного проживания диаспоры бурятского этноса в доминирующей монголоязычной среде — Внутренней Монголии Китая.

Следует отметить достаточно высокий уровень адаптационных характеристик в экстремальных условиях у шэнэхэнских бурят. Устанавливаются творческие связи с бурятскими

диаспорами субъектов России, одобряются браки с представителями этнической Бурятии, многие обучаются в вузах России, Монголии, Японии, Америки, преподают в школах и вузах старописьменный монгольский, китайский языки, некоторые организовали успешный бизнес в России. Думается, что у современного поколения шэнэхэнских бурят Китая есть будущее.

Как отмечает этнограф Д. Ц. Бороноева, в настоящее время, когда проявление влияния глобализации на этнические процессы многими исследователями видится в том, что этническая специфика все более утрачивает свою значимость на уровне материальной культуры и переходит на ментальный уровень, большой интерес представляют этнические группы с высоким уровнем консервации традиционных этнокультурных институтов [9, с. 7]. К подобным группам относятся и шэнэхэнские буряты.

Наличие жанра одических песен *магтаалов* в песенной традиции бурят свидетельствует о развитой системе письменной культуры бурят, различении письменных и устных текстов, стилистической дифференциации языка текстов песен. В частности, при рассмотрении языка текстов *магтаалов* выявлено, что их лексика строго выдержана в высоком стиле с ориентацией на нормы старописьменного монгольского языка.

Таким образом, анализ полевых материалов — песенных текстов шэнэхэнских бурят свидетельствует о высоком мастерстве стихосложения безымянных поэтов, строго соблюдающих начальную аллитерацию в строфах, демонстрирующих умение использовать различные фигуры речи (эпитеты, сравнение, метафоры, оксюморон и др.), весь арсенал грамматических форм для передачи оттенков семантики лексической единицы. Все это позволяет утверждать, что их песенные тексты создавались и передавались не только устно, но и в письменной форме еще задолго до революции 1917 г.

Литература:

1. **Дашиева Л. Д.** Традиционная музыкальная культура бурят: Учебно-методическое пособие. Улан-Удэ, 2005.
2. Древнетюркский словарь. Л., 1969
3. Bodongyud Abida (Бодонгут Абида). *Buriyad mongyol-un tobči teiike* ("Краткая история бурят-монголов"). *Öbür mongyol-un soyul-un keblel-ün qorig-a* (Издательство отдела культуры Внутренней Монголии), 1983. (БА).
4. **Бадмаева Л. Б.** Летопись Ш.-Н. Хобитуева как памятник письменной культуры бурят / Л. Б. Бадмаева, Г. Н. Очирова. Улан-Удэ, 2018.
5. Летописи селенгинских бурят. Хроника убаши Дамби Джалцан Ломбоцэрэнова. Текст издал Н. Н. Поппе / *Труды Института востоковедения*. Т. XII. М.; Л., 1936.
6. Буряад-монгол-оруд словарь. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1951.
7. Википедия // http://www.minpriroda-rb.ru/burchudo/raion.php?SECTION_ID=635&ELEMENT_ID=7414
8. **Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.** Буряад-оруд толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ, 2006. Т. 1.; 2008. Т. 2.
9. **Бороноева Д. Ц.** Буряты Внутренней Монголии // *Угай зам* (Путь предков). № 16, июнь, 2006.

Бадмаева Лариса Батоевна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела языкознания.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Ул. Сахьяновой, д. 6, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, 670047.

E-mail: lorabadm@mail.ru

Материал поступил в редакцию 12 марта 2020 г.

L. B. Badmaeva

THE SONGS OF THE SHENEHEN BURYATS

Abstract. For the first time, the article discusses the subject matter, features of the language of the songs of the Shenehen Buryats in the author's translation into Russian. The uniqueness of the Shenehen Buryats, who have been living in China for about 100 years, is that they have preserved their authentic culture: language, traditional Old Mongolian script, national costume, traditions, customs and folk songs. For a long time, the topic about Buryat emigration was banned. The article also highlights the reasons and history of the emigration of the Aga Buryats to the Shenehen locality of the China, based on the work of Bodongut Abida (1983), written in Old Mongolian script. The migration of the Buryat diaspora to Bargu was ethnically protective in nature and was associated with political events in Russia at the beginning of the 20th century. The presence of the genre of odic songs (magtaal) in the song tradition testifies to their developed system of written culture, the distinction between written and oral texts, and the stylistic differentiation of the language of the lyrics. It has been revealed that the vocabulary of the Magtaals is sustained in a high style with an orientation towards the norms of the Old Mongolian language. An analysis of the field materials testifies to the mastery of versification of nameless poets, strictly observing the initial alliteration in strophes, using various figures of speech, the entire arsenal of grammatical forms to convey shades of semantics of the lexical unit. This allows us to argue that the lyrics are created and transmitted not only verbally, but also in writing long before the 1917 revolution.

Keywords: *songs of Shenehen Buryats, emigration of the Buryats, hymn songs, written culture of the Buryats.*

References

- Badmaeva L. B.** Letopis' Sh.-N. Khobitueva kak pamyatnic pis'mennoi kul'tury buryat [The Sh.-N. Khobituev's Annal as the Monument of the Written Culture of the Buryats] / L. B. Badmaeva, G. N. Ochirova. Ulan-Ude, 2018. (In Russian, in Buryat, in Old Mongolian Script).
- Bodongyud Abida. *Buriyad mongyol-un tobci teüke* [The Brief History of the Buryat-Mongols]. Öbür mongyol-un soyul-un keblel-ün qoriy-a. 1983. (In Old Mongolian Script).
- Boronoeva D. Ts.** Buryaty Vnutrennei Mongolii [The Buryats of the Inner Mongolia] // Ugai zam (Put' predkov). № 16, june, 2006. (In Russian).
- Buriyad-mongol-orod slovar'. Buriyad-mongol'sko-russkiy slovar' [Buryat-Mongol-Russian Dictionary]. Moscow, 1951.
- Dashieva L. D.** Tradicionnaya muzykal'naya kul'tura buryat [The Traditional Music Culture of the Buryats]: Uchebno-metodicheskoe posobie. Ulan-Ude, 2005. (In Russian).
- Drevnetyurkskiy slovar' [Old Turkish Dictionary]. Leningrad, 1969.
- Letopisi qorinskikh buryat. Vyp. 2. Khronika Shirab-Nimbu Khobitueva [The Annals of the Qori Buryats. Issue 2. The Cronicle of the Shirab-Nimbu Khobituev] / Tekst izdal V.A. Kazakevich / Trudy Istituta vostokovedeniya. T. IX. Moscow; Leningrad, 1935. (In Old Mongolian Script).
- Letopisi selenginskikh buryat. Khronika ubashi Dambi Djalcan Lombocerenova [The Cronicle of the Dambi Djalcan Lombocerenov]. Tekst izdal N.N. Poppe / Trudy Istituta vostokovedeniya. T. XII. Moscow; Leningrad, 1936. (In Old Mongolian Script).
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M.** Buriyad-orod toli. Buriyatsko-fusskiy slovar' [buryat-Russian Dictionary]. Ulan-Ude, 2006. T. 1; 2008. T. 2.

Badmaeva Larisa Batoevna, doctor of science (philology), associate professor, leading research fellow of the linguistic department.

RAS, Siberian branch, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies.

6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, Russia, 670047.

E-mail: lorabadm@mail.ru